

Источник: Невское время (Санкт-Петербург)

Дата выпуска: 22.01.2008

Номер выпуска: 009

Заглавие: Четыре новенькие хлебные карточки

О них в ту грозную пору написал ленинградский школьник Кирилл Аникиев. Как-то, перелистывая комплект одной из ленинградских газет блокадной поры, я узнал, что весной 1944-го в городе состоялась олимпиада литературного творчества школьников. Да, самая настоящая литературная олимпиада, "на которой, - как свидетельствует газета, - было рассмотрено свыше семидесяти рассказов, очерков и стихов". Далее в той заметке говорится, что среди победителей, награжденных грамотами горкома ВЛКСМ и гороно, отмечен шестиклассник 225-й школы Кирилл Аникиев.

Мне повезло: я разыскал Кирилла Александровича, и он показал мне старую школьную тетрадку в косую линейку с рассказом "Карточки" - тем самым, написанным им еще в конце сорок второго... Старательный детский почерк ("нажим, волосяная" - как учили писать в то время; до шариковых ручек было еще далеко), пятнадцать страниц убористого текста. Думаю, даже несколько выдержек из истории этого блокадного мальчика расскажут и о нем самом, и о том времени достаточно много...

"...В тот день, как и обычно, я проснулся от сильного голода еще затемно. За окном едва брезжило холодное декабрьское утро. Я чувствовал, что проснулся, но не шевелился и продолжал видеть сон наяву. Перед глазами отчетливо стояла румяная буханка хлеба. Она медленно приближалась к самому моему лицу, дразня поджаристой верхней корочкой, и, когда я уже чувствовал ее аромат и то едва уловимое тепло, которое исходит от свежего хлеба, она вдруг отскакивала, чтобы опять приближаться и мучить меня своим видом и недосыгаемостью... Это была какая-то галлюцинация... Наконец я очнулся... Осторожно вытащил руки из-под одеяла - их охватило холодом. Температура, вероятно, была гораздо ниже нуля. Я приготовил лежавшее на стуле пальто и поставил стоймя валенки, чтобы можно было сразу одеться, потом откинул одеяло, завернулся в пальто, сунул ноги в валенки...

Спал я, не снимая одежды, но, несмотря на это, остывшее за ночь пальто сильно холодило тело, а в валенках холодный воздух долго еще не согревался. Наконец я согрелся. Наколот лучинок, затопил маленькую железную печурку и по привычке, наугад, взял из шкафа книгу. На этот раз попала "Фрегат "Паллада"" Гончарова. Однако как ни старался, я не смог вникнуть в смысл книги, и сейчас помню только то, что японцы едят жареных мышей и вместо хлеба у них рис. Когда печурка протопилась, я надел шапку, обмотался шарфом, взял карточку и пошел в булочную. Все эти функции я выполнял изо дня в день, почти в одни и те же часы, для того только, чтобы получить свой хлеб. Если бы эта надобность отпала, я, может быть,

и вовсе не вставал бы с кровати..."

Он написал: "По привычке взял из шкафа книгу..." А ведь это совсем не случайно оброненная фраза, это для мальчика было очень существенно, воспитано в нем отцом. Как я выяснил, его отец, Александр Иванович Аникиев, в самом прямом смысле слова "кухаркин сын", сразу же после революции заведовал книжным складом Смольного, подбирал литературу, которую отправляли в Красную Армию. А в девятнадцатом году директор Петрогосиздата, профессиональный революционер, поэт Илья Ионович Ионов вручил Александру Аникиеву ключ от бывшего зингеровского особняка на Невском проспекте, и стал "кухаркин сын" первым директором магазина, получившего вскоре имя - Дом книги. А у себя дома Аникиев собрал уникальную библиотеку по истории русской книжной торговли восемнадцатого века, и его экслибрис, изготовленный художником Николаем Бриммером, совсем не случайно включил в себя КНИГУ, ФАКЕЛ и атрибуты бога торговли Меркурия: так сказать, распространяй просвещение через книжную торговлю! И сына своего Александр Иванович назвал в честь одного из основоположников славянской письменности - Кириллом...

В большой коммунальной квартире на улице Римского-Корсакова, куда Аникиевы переселились из рабочей слободы, у них было две комнаты, сплошь заставленные книжными шкафами. Вот в какой доброй обстановке повезло Кириллу начинать жизнь - среди томиков Пушкина и Чехова, Лермонтова и Толстого, Кассиля и Маршака... Особенно пришелся ему по душе Виктор Гюго: "Отверженных" знал почти наизусть. Пробовал и сам сочинять, подражая Гайдару: перенес Тимура и всю его команду в конкретную обстановку поселка Тайцы, где перед войной семья снимала дачу. В Тайцах и застала их война...

"...Улица, по которой я шел, не расчищаемая с самого начала зимы, представляла собой сплошной нарост льда в метр толщиной, по краям которого вились узкие тропинки, ведущие к главным жизненным ресурсам - к булочной и к магазину. На углу, около тумбы, на которой вешали когда-то газеты и объявления, валялся покойник. Он врос в обледенелый наст и лежал у самой тропинки, откинув на нее руку так, что через руку приходилось перешагивать. Пройдя мимо покойника и завернув за угол, я очутился в конце той очереди, которая вела к следующему углу, где и находилась булочная. Очередь двигалась очень медленно, потому что хлеб приходилось развешивать по 250 граммов. Простояв час, я был только еще на полдороге. Потом хлеб кончился, и несколько человек из нас под предводительством продавца с санями поехали на хлебозавод, а очередь стала ждать. Вместе со всеми, прислонившись к стене, ждал и я. Как только выдача хлеба прекратилась и не нужно было опасаться, что пропустишь очередь, так сейчас же вся она разбилась на отдельные кучки, где спорили, беседовали или просто рассказывали что-нибудь... Какая-то старушка пророчески сообщила, что сегодня обязательно будет обстрел,- впрочем, об этом можно было и так догадаться, потому что день был ясный и низкое зимнее солнце давало длинные тени, удобные для корректировки..."

Отец сразу же подал заявление в народное ополчение, и потом Кирилл каждое утро бежал через самый красивый мостик - с крылатыми львами - к узорной решетке у здания Финансово-экономического института, за которой старательно маршировал его сорокашестилетний совсем седой отец. Вскоре ополченцы выступили навстречу врагу...

"...Вдруг в воздухе угрожающе зашипело, и где-то за домом тяжело ухнул снаряд, оттуда поднялся целый столб снега и камней, которые, падая, дробно стучали по крышам соседних домов. Люди насторожились, но не разбежались, никому не хотелось потерять свою многочасовую очередь и остаться без хлеба. Следующие снаряды рвались все ближе и ближе, но люди, крепко прижавшись к стене, продолжали стоять. Разговоры прекратились, и в промежутках между взрывами наступала тяжелая, напряженная тишина... Одну из наиболее длинных и напряженных пауз нарушил оглушительный взрыв снаряда, который, коротко свистнув, ударился в лед мостовой против очереди и осыпал всех градом ледяных и металлических осколков... На мгновение меня оглушило и ослепило, ударило волной воздуха, но ужас, неизъяснимый ужас перед смертью, заставил меня очнуться и побежать..."

Первую свою блокадную зиму Кирилл описал в рассказе. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить... В ту зиму они почти не учились. Когда были силы, мальчик повторял уроки за четвертый класс. Чтобы не испортился почерк, переписал "Конька-Горбунка" от корки до корки. Самый хороший день той зимы - новогодняя елка, которую устроили для ребят в знаменитом "доме со львами" - 239-й школе. Получив от грустного Деда Мороза в подарок конфету и горсть орешков, Кирилл решил поделиться своим богатством со старенькой учительницей в пальто и в старомодной шляпке, но она замотала головой: "Нет-нет, взрослым не положено..." Спустя год Кирилл сидел в ее классе, и Елизавета Петровна, в той же шляпке и пальто, читала чуть нараспев: "Мороз и солнце, день чудесный!..."

"...Рванувшись, я почувствовал, как лопнул примерзший к стене шарф, и услышал, как сзади, тяжело топая, побежала толпа. А снаряды рвались все чаще и ближе, как будто преследуя бегущих. Осколки, визжа, выхватывали из нее все новые и новые жертвы, и люди напрягали последние силы, чтобы спасти свою голодную жизнь. Бежать было трудно и тяжело. Ноги путались в огромных валенках и плохо слушались, темнело в глазах и захватывало дыхание, казалось, еще немного - и сил не хватит... Забежав за угол, я зацепился ногой за тумбу и с маху стукнулся лицом в холодную, твердую руку покойника... Рядом со мной, вероятно тоже зацепившись за тумбу, упала женщина в черном шерстяном платке и бараньем полушубке. От страха и напряжения она, видимо, потеряла сознание, глаза ее закатились, лицо побелело, пальцы рук разжались, и из них прямо на снег вывалились... карточки! Да, карточки... Четыре новенькие хлебные карточки лежали передо мной на снегу. Мысли с лихорадочной быстротой замелькали в голове, усталость мгновенно пропала, несколько секунд я колебался, но перед глазами вдруг встала буханка хлеба... Машинально, почти бессознательно, я протянул руку,

схватил карточки и, вскочив, бросился бежать...

Обстрел между тем кончился, и народ бежал обратно занимать очередь, но я боялся даже оглянуться назад и несясь быстрее, чем от обстрела..."

Когда в честь снятия блокады над Невой вспыхнул фейерверк, Кирилл вместе с закадычными дружками, Борькой Гусевым и Рэмом Лепеничем, был, конечно, тоже там, на набережной, - и вопили они от радости во всю глотку, и бросали вверх шапки, и совсем не удивлялись, почему это взрослые люди в такую счастливую минуту плачут...

"...Прибывав домой, я рассмотрел карточки: три из них были детские, а четвертая - иждивенческая... Я обрек на голодную смерть целую семью... Мне вдруг сделалось не по себе, кровь хлынула в голову, карточки жгли руки. Я метался по комнате, ища, куда бы их спрятать. Неожиданно взгляд мой упал на шкаф с книгами. Я поспешно открыл его, вытащил какую-то книгу, засунул карточки за переплет и поставил все на место, потом бросился на кровать и попытался ни о чем не думать. Но мысли против воли лезли в голову и не давали покоя. Сознание совершенного преступления тяготило меня и, постепенно усиливаясь, начинало мучить. Но тут напомнил о себе голод. Он несколько уравновесил мое душевное состояние, нарисовав в воображении аппетитную, румяную буханку хлеба, обладателем которой я буду завтра. Я забылся и в каком-то полусне долежал до вечера.

Вечером пришла с работы мать. Она сразу заметила, что со мной что-то стряслось, и, когда узнала, что я не выкупил еще хлеб, напугалась, не заболел ли я. Я с трудом ее успокоил, не сказав, однако, ничего про карточки, но про себя решил: получив хлеб, оставить ей половину...

Ночью начались какие-то жуткие сны вперемешку с галлюцинациями. Меня бросало то в жар, то в холод, а по спине пробегали мурашки. Так пролежал я до утра и, когда подошел час открытия булочной, встал и пошел получать хлеб..."

И наступил самый долгожданный день, когда по радио сказали, что войне - конец. И вернулся домой гвардии старшина Александр Иванович Аникиев. И началась снова мирная жизнь. Трудная, еще далеко не сытная, но - мирная. Окончив с отличием школу, Кирилл поступил в Университет. Нет, он стал вовсе не филологом, хотя все прочили ему именно эту стезю, он (победила тяга к дальним странствиям) пошел на геологический.

Годы - в экспедициях: Карелия, Заполярье, Предуралье, Сибирь, Алтай, Украина, Кубань, Закавказье... Потом - научная, "кабинетная" работа...

"...На этот раз очередь была маленькая, и через час я был уже в булочной. Я чувствовал, что исполняется мое желание, и из среды свежих, мягких буханок выбрал себе ту, о которой мечтал в долгие зимние ночи, когда холод забирался под одеяло и голод не давал спать. Я не спускал с нее глаз и, когда подошла моя очередь, попросил продавца свешать ее. Она весила ровно 1 кг 250 г, то есть столько, сколько мне полагалось на пять карточек... Я прижимал ее, ощущал ее вес и тепло..."

Но тут в булочную вошла та женщина. На руках она держала ребенка, а двое других цеплялись за полушубок. Ее провалившиеся, блуждающие глаза остановились на моей буханке. Мне показалось, что она вырвет ее у меня из рук, но она встала у дверей и, не спуская глаз с хлеба, протянула руку за подаянием...

Я застыл как вкопанный, инстинктивно прижимая к себе буханку... Вдруг мой взгляд упал на ребенка, который стоял справа от матери и, протянув руку, тоже смотрел на меня. Его глаза смотрели не по-детски серьезно, но голод в них отражался иначе, чем у матери, и в то же время в них осталось еще что-то наивное, детское... И я вдруг понял, что если съем этот хлеб, то подвергну себя вечным угрызениям совести.

Голова гудела, во рту пересохло, и голод исчез. Мозг лихорадочно работал, ища выхода. И вдруг, не понимая еще, что делаю, я шагнул вперед, сунул в руки женщины ее карточки и хлеб и выбежал вон из булочной.

...В тот же день... с фронта приехал отец. И в тот вечер я заснул со спокойной совестью и сытым желудком..."

Вот вкратце этот рассказ из старой школьной тетрадки в косую линейку. Вместе с тетрадкой старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института, кандидат геолого-минералогических наук Кирилл Александрович Аникиев в память о том времени бережно хранил и... карточки. Не те, конечно, о которых речь шла выше, и вообще не хлебные, а другие, "неотоваренные", как говорили тогда, потому что "отоваривать" их в магазине, видно, было нечем...

Лев Сидоровский